

АНАСТАСИЯ ГУДКОВА

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2024

ЛОНГ-ЛИСТ

Литрес

ЯГА. НАЧАЛО

Анастасия Александровна Гудкова

Яга. Начало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69182002

SelfPub; 2024

Аннотация

Яга... Знакома с детства каждому. И каждый вспомнит про избу на курьих ножках, верного чёрного кота, метлу и ступу. А откуда она взялась, не вспомнит. Потому что во всех сказках она уже злая и старая. А что если нет? Откуда взялась Василиса, сколько царевен томилось в плену у Кощея и как Яга встретилась с Баюном?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	36
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Анастасия Гудкова

Яга. Начало

Глава 1

Юная девица с длинными русыми косами и лазурными, будто глубокий лесной ручей, глазами, что было мочи, бежала по деревне, подгоняемая криками и летящими вслед камнями.

– Ведьма!

– Сжечь её!

– Погубит, как есть, погубит!

– Да горите вы сами, ироды! – отчаянно закричала девица, подпрыгивая на одной ноге и поскуливая от боли. Лапти, надетые прямо на босу ногу, стёрли ступни в кровь, да ещё и камень в пятку угодил. Прихрамывая, бежала она к лесу, веря, что лишь там найдёт спасение.

А делов-то всех было, и сказать смешно. Родителей своих девица не помнила, жила с древней бабкой в избе на отшибе. Померла старуха, едва дорастив внучку до десяти весен. Сказать по правде, бабку в деревне уважали, но не любили. Была она угрюмой, молчаливой, более всего на свете почитающей травы да коренья всякие. С крохотной внучкой ходила она, бывало, по лесу, да возвращалась с полной корзи-

ной разнотравья.

Когда старуха померла, ни единая баба в деревне ребёнка не приютила.

— Юродивая она, — говорили бабы. — Как и бабка её, только и делает, что травы сушит, да в ступке их толчет. Сунешься к такой — отравит до смерти! Даже имя у неё чудное — Яга.

Так и жила Яга одна аж до семнадцати весен. Пока однажды в лесу не повстречался ей старший сын попа. Юноша, очарованный прекрасной девой, вернулся домой с твёрдым желанием немедля взять отшельницу в жены. Сколько ни увещевал его отец, не рыдала мать — тщетно, стоял он на своём. Тогда и пустил кто-то слух, дескать, приворожила девка парня, надоело ей одной куковать.

Может, никто и не поверил бы, да только вспомнила одна из баб, что давеча просила у Яги трав для дитя, уж больно хворал сильно. Тотчас и другая подхватила, поведала о зелье супротив мужского бессилия. А когда оказалось, что почти каждая баба той деревни хоть раз к Яге за травами ходила, схватилась попадья за голову, да заголосила, дескать, полюбил сын ведьму чёрную.

Собрались тогда всей деревней, да явились к избушке Яги. Не место ей тут, пущай уходит куда глаза глядят. Для убедительности стращали девицу вилами, горящими палками, да камнями.

Убегала Яга, проклиная бестолковых баб. Сколько раз за помощью, да за травами к ней бегали, ни единого раза Яга

вреда никому не причинила. Да разве ж упомнит кто, коли честь семьи сберечь надобно?

С тяжкими мыслями вбежала Яга в спасительный лес, да не остановилась, добежала до самой глубокой чащи. Лишь там уселась на мшистый пенёк, да перевела дух.

Как бабка учила, всякой травинке поклонилась Яга, да с каждым кустом поздоровалась. Не боялась она леса, всё в нём было родное и правильное. А людей девица страшилась: вроде и зла никому не желала, да ни разу доброго слова не слышала. Один лишь юноша с ней был добр, да и тот перед злыми слухами не устоял. Стало быть, судьба такая, в лесу жить. Да только и за обиду свою наказать надобно, но после. Сначала – найти место для ночлега.

Вот когда бабкина наука пригодилась, бродила Яга по лесу в поисках дива дивного, что лишь ведьмам открывалось. Была в том лесу поляна большая, цветами усеянная. Сокрыта она была от глаз людских чарами защитными, а кто те чары накладывал – то неведомо. Но Яга поляну эту много раз видела. На закате набрела девица на нужное место, завертелась, закружилась, да засвистела, как бабка учила, лихим молодецким свистом.

Не прошло и сотни вздохов, как на поляне показались звери лесные: волки, медведи и лисы. Даже робкие зайчата в кустах зашуршали.

– Звери лесные, не в службу, а в дружбу, – попросила Яга. – Явите пред мои очи ветви толстые, да листья широкие.

Если бы кто на поляну в этот миг забрёл – подивился бы. Звери сновали туда-сюда, принося к ногам Яги брёвна и ветви, листья лопуха да солому. Только и девица не отставала: споро складывала ветви друг на друга, да заклинания шептала. Закончила она за полночь, отряхнула ладони, зверям поклонилась.

Перед Ягой красовалась пустыми окнами крохотная избушка с соломенной крышей. Сама же девица едва на ногах стояла от усталости. Посмотрела она на избу, да и молвила тихо:

– Будь, Избушка, мне домом тихим, да другом верным.

Скинула лапти, да зашла в избу ногами босыми. Чувствуя каждый корешок, что из земли торчат, каждую травинку, что осталась. Но это после, а теперь одно желание у ведьмы осталось. Сбила она остатки соломы в тугой ком, да и улеглась на него, блаженно прикрыв глаза.

Едва рассветные лучи коснулись земли, Яга поднялась, поблагодарила Избушку за кров и вышла к ручью. Ступая босыми ногами по мокрой от росы траве, проклинала Яга Любомира, сына попа, попадью, да и остальных деревенских баб до тринадцатого колена. Свежи были в памяти слова их колкие, да взгляды злые. Избу свою Яга тоже жалела, много в ней осталось добра всякого, но за ним она обязательно вернётся.

Того, что деревенские скарб не растащат, девица не страшилась, недаром прямо на крыльце оберег повесила. Тот,

кто с недобрым помыслом на пороге окажется, тотчас начнёт животом маяться, да отхожее место искать. Стало быть, и котелок её цел останется, и метёлка с ивовой ручкой.

Добрела Яга до ручья чистого, опустилась перед ним на колени, зачерпнула ладонями водицу, да зашептала:

– Смой, водица, невзгоды да печали, забери с души тревогу, да оставь лишь силу твою чистую.

Умыла девица лицо водой из ручья, вдохнула воздух свежий полной грудью, улыбнулась. Глядишь, и в лесу наладится, коли руки есть, да чары колдовские. Бабка, бывало, говорила, что сила могучая в Яге дремлет, но коли проснётся, равных ей в колдовстве не сыскать.

Отправилась было Яга обратно к избе, заметила она там куст малиновый, да услышала дыхание тихое, угасающее. Осмотрелась – никого, да слух ведьмин не обманешь.

– Выходи, коли прячешься! – повелела девица. – А не то худо будет!

– Куда уж хуже, – вздохнул кто-то.

Обернулась Яга, да подивилась: лежит под берёзой кот чёрный, как уголь. Шерсть спутана, кое-где в пятнах запекшейся крови.

– Эк тебя потрепало, – вздохнула Яга. – И откуда ж ты такой чудной?

– Ведьма, что ли? – прищурился кот.

– А коли и так, – ответила Яга. – Других лекарей тут не видать, так что рассказывай, кто таков.

– Кот я, Баюн кличут. В покоях княжеских жил, книги от мышей охранял.

– Точно не принц заколдованный? – нахмурилась Яга. – А то знаем мы этих принцев.

– Да не принц я! – оскорбился кот.

– Ладно, тогда. А потрепал кто?

– Собаки гнали, – вздохнул Баюн. – Мышь одна книгу особую ценную до самого корешка погрызла, вот князь и осерчал.

– Ладно уж, хоть не одной куковать, – Яга внимательно посмотрела на кота. – А только в дом такого грязного не пущу.

Она подхватила упирающегося кота, да хорошенько выполоскала его в ручье. Кот шипел, фыркал и плевался, норовя расцарапать девичьи руки, да держала его ведьма цепко. Когда достала она его мокрого до последней шерстинки, да от холода дрожащего, он лишь сказал:

– А я-то думал, хуже уже некуда. Надеюсь, хоть изба у тебя приличная?

– Самая приличная в лесу, – заверила его Яга, вспоминая свою Избушку.

Едва завидев приветливо распахнувшую пустые окна Избушку, Баюн взвизгнул:

– И это твоя изба?! Только не говори, что в ней нет нормальной перины и тёплой воды!

– Ну не хочешь, не скажу, – фыркнула Яга. – Вообще-то, холодной воды тоже нет.

– Ночной горшок? Библиотека? Печь с мозаикой?

– Послушай, Баюн, – нахмурилась Яга. – Таких наглых кот-ов я отродясь не видывала. Блох выведу, раны заштопаю, да ступай подобиру-поздорову! Глядишь, князь твой смилостивится, да обратно пустит.

– Не пустит, – насупился кот. – Там не только мыши книгу погрызли...

– Чего ещё натворил?

– Инстинкты – дело такое, – мурлыкнул Баюн. – Я как мышь увидал, гнал её до самых княжеских покоев. А она, подлюка серая, на постель княжны забралась. Но и я не промах, тотчас её словил! Вот только княжна осерчала, словами страшными ругалась, антисанитарию поминала...

– Постой, так княжна чего же, в этой самой постели была? – засмеялась Яга.

– Почивала, – согласился кот.

– Ну Баюн, – расхохоталась ведьма. – Да я б на месте княжны той тебя мокрыми тряпками отходила, коли глаза поутру открыла, а рядом со мной кот с мышью в зубах сидит!

– Видишь, никак мне обратно нельзя, – грустно ответил кот.

– Да вижу уж, – согласилась Яга. – Только знаешь, что? Я нахлебников да лентяев не люблю. Как оправишься, будешь мне помощником. А пока ложись-ка ты на солому, надо бы мне лавку какую придумать, да зелье целебное тебе приготовить.

С зельем вышла неприятность – котел-то в деревне остался, а без котла и варить не в чем. Коли была бы ведьма обычная, дала бы слабину, оставила мысли о зелье. Да только Яга сложностей не боялась.

– Коли варить не в чем, будем прямо на тебе готовить, – решила она под испуганное шипение кота.

Перво-наперво собрала целебные травы на поляне, сорвала огромный лист лопуха. Нацедила сок из стеблей прямо в этот лист, дунула, плюнула, заклинание прочитала и удовлетворённо кивнула.

– Неужто получилось? – не поверил Баюн.

– Чего ж ему не получиться? – удивилась Яга. – Подставляй брюхо, лечить буду. И когти спрячь, коли поцарапаешь – так прокляну, вовек не отмоешься.

Щедро облив раны Баюна, ведьма оторвала кусок подола своего платья и кота им перевязала.

– Сметанки бы, – мечтательно вздохнул Баюн.

– Ты никак у меня тут корову углядел? – фыркнула Яга. – Коренья, ягоды, грибы да травы, вот и всё, чем богата.

– Да вижу уж, и спишь на полу, жёстко, неудобно же, – заныл кот. – Так иди туда, где удобно, не держу. Только, помнится, тебя там с хлебом-солью не ждут. Спи, Баюн. Сон лечит.

Поворчав, кот, наконец, уснул, а Яга призадумалась. Котёл свой она вызволит, ночью по задворкам деревни проберется да заберёт. Книгу колдовскую тоже. А вот с остальным

что делать? Печь, лавки и стол не потащишь. А на соломе спать лишь летом хорошо, с первыми же холодами застудится.

– Слышал я, – сквозь сон пробормотал Баюн, – есть в лесу ларец волшебный. Коли его найти, можно самого Кощея о чем угодно просить.

– Не слыхала о таком, кто таков? – удивилась Яга.

– Да ты что? – Баюн аж проснулся. – Неужели есть ещё люди, про Кощея Бессмертного не слыхавшие? А и ладно, раздобудешь мне сметаны, и про Кощея расскажу, и про ларец. А может, и ещё чего.

– Хитрец, – фыркнула Яга, с улыбкой глядя на кота.

Глава 2

Едва дождавшись первых сумерек, ведьма выскользнула из избушки и отправилась в деревню. Пробралась в свою старую избу, собрала нехитрые пожитки: котёл ведьмовской, что от бабки достался, книгу древнюю, ступку, травы толочь, да по мелочи всего, что в быту пригодится. Вспомнив про земляной пол, прихватила Яга метёлку да большую деревянную бочку с медными ободами. В неё она и сложила всё, что унести собиралась. Осторожно, чтобы не заметил никто, докатила ведьма бочку до самой лесной избушки, умаялась, еле дух перевела. Оставив дела до утра, Яга устроилась на соломе и уснула. Утром девицу разбудили мягкие кошачьи лапы, каким-то чудом оказавшиеся на её носу. – Негостеприимный у тебя дом, ведьма, – мурлыкал Баюн. – Гость проснулся, а еды нет. Хозяйка и вовсе спит.

– Ты уж реши, Баюн, – не сдержала улыбку Яга. – Гость ты али жить тут будешь?

– Жить, конечно, – ответил кот. – Идти-то мне некуда.

– А коли жить, стало быть, ты тут такой же хозяин, как и я. И не говори, что бабье дело готовить, да полы мести. Кошачьих я пока не придумала, стало быть, помогать мне будешь.

– А как же Кощей? – напомнил кот.

– А чего Кощей? – удивилась Яга. – Он тебя сметаной кор-

мать будет?

– Если правильно попросить, – прищурился кот. – Неужели ты не хочешь дворец вместо этого... Недоразумения?

– На кой мне дворец? – фыркнула ведьма.

– Ну не дворец. Но кровать-то можно? И воды тёплой, и...

– Кровать можно, – разрешила Яга. – Рассказывай, что за ларец отыскать надобно?

– В книгах князевых пишут, что есть в лесу золотой ларец, в котором смерть Кощеева прячется. Смерть его на конце иглы, игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце...

– Про смерть я поняла, – кивнула Яга. – А сам-то он кто таков?

– У-у, – округлил глаза Баюн. – Кощей – колдун сильный, повелитель леса этого и земель окрестных.

– А просто попросить его нельзя?

– Можно. Один раз. Если будет в хорошем настроении – голову мечом отрубит. А коли в плохом, то лучше и вовсе не знать.

Вздыхнула Яга, поднялась с соломы, да стала собираться в путь – ларец с Кощеевой смертью искать.

Под причитания Баюна, требующего сметаны да сливочек и проклиная бестолковых ведьм, которые даже мышей завести не удосужились, Яга осторожно пробиралась в самую чашу.

– Сколько лет по лесу хожу, а тут отродясь не бывала, –

удивилась ведьма.

– Так место тут такое, тайное, от случайных глаз сокрытое, – гордо ответил Баюн.

– Вижу уж, – кивнула Яга, приметившая развешанные по кустам пучки трав, отводящих взгляд. – А скажи-ка мне, Баюн, ты-то как сюда пробрался? Обдурил кого?

– Обижаеш-шь, – зашипел кот. – Я, вообще-то, именем своим честным дорожу!

– Баюн? – громче повторила Яга.

– Ну ладно. Домового обыграл в салки. А у нас уговор был, коли проиграл – показываешь то, чего второй не знает.

– А ты, прохвост усатый, знамо дело, для того игру и затевал, – фыркнула Яга.

– Схитрил чуток, – не стал спорить кот. – А ты зря гневаешься, на пользу же! Вот сейчас сундук отыщем, заживём, пуще князя!

Яга лишь головой качнула. Не по нраву ей затея была смертью грозить, да только не выжить в лесу без печи. Вдруг кот остановился, выгнул спину дугой, да хвост поджал. Глаза у него заблестели, зашипел Баюн. А тут и Яга шорох в кустах услышала, а через миг и волчью морду углядела. – Ну Баюн, – прошептала ведьма. – Ну, удружил! Коли выживем, шкуру с тебя спущу!

– Да уж лучше ты, – прошипел кот, оглядываясь на второго волка. Закружилась Яга, забормотала слова заклятья древнего, диких зверей умиряющего. Волки не нападали,

лишь скалились да рычали. – Зачем пожаловали? – вдруг раздался гневный рык, и вперёд вышел третий волк, прежде сокрытый широким стволом дуба.

– За-заплутали, – взвизгнул Баюн, чувствуя, как волчьи зубы осторожно хватают его за шкуру.

– Заплутали? – оскалился волк. – Так мы подсобим, верную дорогу покажем.

Он лихо подхватил Ягу, перебросил через спину, да победил. Ведьме оставалось лишь кричать, да крепко держаться за волчью шерсть.

Баюн негодовал как мог: царапал волчью морду когтями, шипел, а когда отчаялся, вдруг завыл. Волк от неожиданности встал как вкопанный, перехватил кота за шкуру и убедительно рыкнул.

– Ну, Баюн, – тихо ворчала Яга. – Бестолковая твоя голова! Да и моя не лучше, это ж надо, кота послушать.

– Да ладно тебе причитать, – фыркнул волк. – Вот сейчас во дворце Кощеевом освоишься, будешь по темнице гулять, да цепями брякать. Глядишь, подруг сыщешь.

Пригорюнилась Яга. Не так она себе встречу с властителем лесным представляла. Предстать она перед ним хотела

красной девицей, со шкатулкой заветной в руках. А придётся – ведьмой лохматой, да с пустыми ладонями.

Волки тем временем уж добрую часть леса пробежали. Выскочили они на поляну широкую, до тла выжженную. И стоял на поляне той дворец, каких свет не видывал, потому что чёрный он был, с острыми пиками да закрытыми глухими ставнями окнами. Забором служили кривые колья, на каждом из которых сверкал пустыми глазницами человеческий череп.

Баюн от страха издал короткое «Мяу» и прижался к волку, как к родному.

– Не страшись, Баюн, – фыркнула Яга. – Кошачьих черепушек я тут не заметила. Чай, на другое сгодишься. Авось у Кощея задумки имеются.

После таких слов кот ещё крепче за волка ухватился. Тут уж и не знаешь, что хуже. Злая ведьма страшнее самого лютого зверя будет.

Яга же от Баюна отвернулась, да дворец разглядывала. Вдруг тяжёлые чугунные двери отворились, вышел из них сам Кощей. Был он высок, сухощав, но, видать, силен: при виде его волки почтительно головы склонили, да пленников

своих прямо оземь швырнули. Яга тут же на ноги вскочила, юбку поправила, да в глаза Кощеевы посмотрела. Ясные, синие, будто небо летнее. Голову гордо подняла Яга, да взгляд не отводила. А Кощей лишь усмехнулся.

Баюн от страха за ногу Яги спрятался, тихо сидел, даже мяукнуть не решался. И то верно, всем известно – дольше живёт тот, кто лучше спрятался. Да только толстый кошачий зад за стройной девичьей ножкой не скроешь.

– Любо, – одобрил Кощей волчью добычу, пожирая глазами Ягу. Та лишь фыркнула, да гневно отвернулась. – С норовом девица, это хорошо. Ступай к Лешему, плата как всегда.

– Так ты ещё и за монеты, блохастая скотина, – разочарованно буркнула Яга. Кот дёрнул её за подол, да поздно, волк уже услышал.

– За девицу, – оскалился он, коротко рыкнул и для пущей убедительности прищелкнул зубами.

– Чудные вы, одну девицу притащил, другую забираешь... Чего меня не сожрал?

– Язык у тебя ядовитый, – фыркнул волк, свистнул товарищей и скрылся из виду.

Яга чувствовала, как дрожит у её ноги Баюн. Он бы и сама не прочь спрятаться, да не за кого. А Кощей силён, ух, как силён, всем ведьминским нутром Яга это чувствовала. Тут и захочешь убежать, дальше калитки не пустит, коли не захочет. Но спросить решилась.

– Так это что, волк и вправду девицу съест?

– А я почем знаю? – ухмыльнулся Кощей. – Захочет, съест. Захочет, отпустит. Ты кто такая и почему на поляну заговоренную ходила?

– А откуда бы мне знать, что она заговоренная? – вскинула голову Яга. – Поляна как поляна.

– Одна-ако, – протянул Кощей. – Ведьма, стало быть. Не была бы ведьмой, ни в жизнь не отыскала. И кто тебе, ведьма, про ларец рассказал?

Кощей надвигался, а Ягу точно к месту прибило. То ли глаза его бездонные чаровали, то ли страх не давал и шагу ступить. Не шелохнулась Яга, не вздрогнула, когда совсем близко Кощей подошёл, так близко, что мог бы задушить или того хуже.

– Некому рассказывать, – отвечала Яга. – Сам видишь, одна я, лишь кот со мной.

– Одна, говоришь? Звать как?

– Яга.

– Заходи, Яга, – решил Кощей. – Гостьей моей будешь.

Ступала Яга осторожно, кто его знает, чего от Кощея ожидать. На пороге замерла, трижды через плечо плюнула да заговор от нечистой силы прочитала. Кощей лишь усмехнулся.

Дворец у него был убран богато, везде злато да ковры искусно сотканые. Глянешь на такой, и будто сказку увидела. На одном – озерцо с зеленоватой водицей, да русалки, что гребнями спутанные волосы чешут, мальков вытаскивают. На другом – волки, что красну девицу в лесу пугают.

– Красиво? – прищурился Кощей.

– Что я, ковров не видывала? – пожала плечами Яга. А Баюн чихнул и испуганно за ведьму спрятался.

– Чудной у тебя кот, – Кощей внимательно посмотрел на него и покачал головой. – Послушный, как пёс верный.

– Приблудился недавно, голодал небось, вот и ходит за мной.

Баюн таких оскорблений стерпеть не мог, выпустил длинный коготь и предупреждающе зашипел. Яга это заметила и равнодушно добавила:

– Думаю вот, выгнать его, что ли, взашей? Да жалко, волки вон по лесу рыщут, задерут ещё. Пусть уж ходит.

– Какая же ведьма без кота, – улыбнулся Кощей. – Я вот тоже...

– Кота завёл? – заинтересовалась Яга.

– Почти, – засмеялся Бессмертный. – Волка. Служит мне верно, уж почитай, три года.

– Девиц, что ли, таскает?

– А коли и так. Скучно мне одному в чаще-то. А они то хороводы водят, то в баньке вениками машут. Красота...

– Срамота, – фыркнула ведьма. – Ты коли меня в баньку позвал, так осади коней. Отворяй давай свои двери, да вы-

пускай!

– Ух, какая! А если не отпущу?

– Проклянущу.

– Любопытно, – прищурился Кощей. – И чем ты меня, Бессмертного, проклясть можешь?

– Вот придумаю...

– Ну подумай, голубушка, подумай, – оскалился Кощей и хлопнул в ладоши. Тотчас три скелета, что вдоль стены стояли рядком, подхватили Ягу под белые рученьки, кота за шкуру, да потащили.

– В светлицу белой башни их, – приказал Кощей.

Глава 3

Едва закрылась одна дверь за скелетами, кто-то осторожно отворил другую, крохотную и скрипучую, что таилась в укромном уголке. А вообще комната хорошая была, чистая да светлая, даром что в башне. Постель, как у княжны, даже кушетка бархатная, да ночной горшок. Подивилась Яга, да виду не подала. Всё на дверцу смотрела.

– Проходной двор какой-то, – фыркнула Яга, разглядывая ту, что появилась из двери.

Росточка она была невысокого, едва доставала ведьме до пояса. Болотно-зеленые волосы заплетены в лохматые косы, а в глазах – тоска и служение.

– Кикимора? – вздохнула Яга. Зеленоволосая поклонилась. – В услужение прислали?

– Ваша светлость... – снова кланяясь начала было кикиморка, но ведьма её перебила.

– Довольно челом бить, до светлости мне, что улитке до ястреба. Далеко и невозможно, то есть. Звать тебя как? – кикимора молчала. – Имя у тебя есть? Коли позвать тебя надо, что другие говорят?

– Эй, кикимора и говорят, – грустно ответила зеленово-

лосая. – А имя может и было когда, да разве упомнить...

– Так коли не помнишь, любое бери, – предложила ведьма. – Меня Ягой кличут. А кот – Баюн. Тебе какое имя нравится?

– Слыхала я как-то... Любава... Ох, красиво, – кикимора шмыгнула носом. – Да только подойдёт ли?

– Отчего ж не подойти, – улыбнулась Яга. – А у Кощея в услужении как оказалась?

– Так он во всех болотах шерудит, русалок да кикимор таскает. Русалок, знамо, для чего, чтоб слух и взор услаждать, а кикимор – чёрную работу делать.

– Насовсем, что ли? – нахмурилась Яга.

– На год после того, как утопла. Коли буду справно служить, сосватает меня домовому. А коли осерчает, быть мне супружницей водяного, а тогда век в болоте мокнуть.

– А служить хорошо – это как? – вдруг спросил Баюн. – Вы, бабы, лясы вечно точить можете, а кот у вас тут того и гляди с голодухи подохнет. Может, сметанка найдётся?

Яга ухмыльнулась, а кикимора испугалась было, а потом

рот ладошкой прикрыла да захихикала.

– Это не ты ли тот кот, что мышь у княжны на постели ловил? – спросила она.

– А может, и не надо сметанки... – задумчиво протянул Баюн.

– Да не серчай, ты ж один во всём царстве говорящий. Ой! Кощей за тебя мешок золотых обещал, скучно ему, говорит, а тут хоть какое развлечение. Ты уж помалкивай при нём. А сметанку добуду.

Счастливая Любава выскочила в свою крошечную дверь. Яга, не теряя времени, тоже в эту дверцу заглянула, да следом не пошла, головой лишь дёрнула.

– Оберегов-то навешал, ирод костлявый! Да чтоб ему во-век злато его считать, не пересчитать! Чтоб сидел, от скуки чах, да угомониться не мог!

– Эх ты разошлась, – восхищённо сказал Баюн. – Не пролезем?

– Ну коли не прочь на свою шкуру проклятий да отравы схлопотать, ступай. Снять не смогу, не я вешала, не подпустит.

– А кикимора как ходит? – удивился кот.

– Так она неживая, что ей сделается? Жалко мне её, такому супостату служить...

Баюн не ответил, сметану ждал. Как Любаву с блюдцем увидал, манерность свою отбросил да бросился к сметане мурлыкая.

– А все-таки кот – он и есть кот, даром что говорящий, – покачала головой Яга. – Помани сметаной, продастся с потрохами. А скажи мне, Любава, есть тут домовые-то?

Про домовых Яга сразу разузнать решила, как только кикимора про сватовство сказала. Кто ж лучше них все ходы и выходы замка ведаёт? Да только не станут они ради ведьмы стараться. А ради зазнобы своей...

– Есть, конечно, – кивнула кикимора.

– Чай и не вредные есть? Такие, чтоб душевные?

– Один, – покраснела Любава. – Антипкой звать. Красавец писанный, каких свет не видывал! Нос у него, точно репа крупная, глаза как два блюда, только серые. Да волосы цвета осенней соломы.

– Тебе бы летописи слагать, – фыркнул Баюн.

– Ты там за сметаной смотри, чтоб не убежала, – осадила его Яга. – Так что там Антипка-то? Жениться хочет?

Любава опустила глаза в пол и тяжело вздохнула.

– Стал быть, не хочет, – догадалась Яга. – Ну это дело наживное, сколько тебе ещё служить осталось?

– Три седмицы, в самый раз до Иванова дня.

– Успеется, – улыбнулась ведьма. – Я тут столько сидеть не желаю.

– Да разве ж Кощей спросит, – покачала головой кикимора. – Туточки в каждой башне такой по царевне, а то и две. Всё поначалу бушевали, убечь пытались.

– Не получилось? – уточнил Баюн облизываясь.

– Сметану ешь, паскудник, – фыркнула Яга. – Коли не ты, вовек бы тут не оказались!

– Так ты и сама пойти не прочь была! – напомнил кот. – Нечего теперь на меня собак спускать!

– И то верно, – вздохнула ведьма, усаживаясь на кушетку и поглаживая ладонью бархат. Даже глаза блаженно прикрыла, всё ж девица и есть девица, даже коли она ведьма пленная. – Так не убеж никто, говоришь?

– Никто, – шмыгнула носом Любава. – Всех волки назад приволокли.

Призадумалась Яга. С волками и договориться можно, а вот с Бессмертным что делать? Царевны-то к батюшкам, небось, побежали бы, да женихов- защитников сыскали. А ей-то как быть? Лес для двух колдунов невелик и тесен, от Кощея не скроешься. А уж коли сыщет, тут одной башней не отделаешься. Значит, надо, чтобы сам отпустил, да вернуть не желал.

– Скажи-ка, Любава, а девиц столько Кощею для чего? – поинтересовалась ведьма.

– Да... Эт самое... Уж и сказать-то не знаю как... Срам один!

– Для срама значит, – прищурилась Яга.

– А так слух ходит, что невесту ищет, – шёпотом, испуганно поглядывая на дверь, добавила кикимора. – Да всё не найдет никак.

– Чего ж не найдёт? – подивилась Яга. – Собой хорош, богат, замок вон царский. Неужто ни одной невесты не подошло?

– Боятся они его люто, – вздохнула Любава. – Как завидят,

так в угол забьются и сидят тихонько. А ему такая нужна, чтобы ух, кровь кипела, – кикимора смутилась. – Сам говорил, когда Серому Волку царевну отдавал.

– Так а Волку они зачем? – не поняла Яга.

– А мне почем знать? – пожала плечами Любава. – Ой, слышишь, сам идёт! Коли нужна буду, зови.

Кикимора испуганной кошкой бросилась к своей дверце. Миг – и Яга осталась в комнате вдвоём с Баюном.

– Не нравится мне всё это, – протянул кот.

– Мне тоже не по нраву, – согласилась Яга. – Главное – молчи теперь, не то поймёт Кощей, что ты не просто так приблудился.

– Обижаешь, – прошипел Баюн, запрыгнул прямехонько на кровать, да свернулся калачиком.

– Метлы на тебя нет, – фыркнула Яга, но прогонять не стала. Не до того было, в дверь стучали. Вздохнула ведьма, да пошла отпирать.

Подивившись, что дверь не заперта, Яга широко её распахнула. Перед ней во всей красе возвышался сам Кощей.

– Чегой-то ты дверь не запер, высочество? Али доверяешь?

– Так ты ведьма, – пожал плечами Кощей. – Замок колдовством отопрешь. А тут смотри, слуги мои тебя поджидают.

Яга высунула голову из комнаты и увидела тех самых скелетов, что её в башню тащили. Один из них даже зубами клацнул для устрашения. Ведьма охнула от неожиданности и обратно в комнату ринулась.

– Войти можно? – для соблюдения приличий спросил Бессмертный, прикрывая дверь изнутри.

– Да ты уж вошёл, – буркнула Яга. – И долго держать меня тут будешь?

– А ты уже придумала, чем меня проклинять будешь? – хмыкнул Бессмертный.

– Придумала, – прищурилась Яга. – Проверять будешь, али на слово поверишь?

– Тебе не верить – себе дороже, – ответил Кощей.

– Так зачем пожаловал? – не утерпела Яга.

– Скучно мне, ведьма, – поведал Кощей, разглядывая Ягу. Он уселся на кушетку, достал из рукава золотую монету и начал перекачивать её меж пальцев. – Приелось всё, царевны

эти рыдающие денно и ночью, русалки со своими песнями. А тут ты.

– Танцевать не буду, даже не проси, – возмутилась Яга.

– Я не просил, – улыбнулся Кощей. – Я вообще просить не склонен, коли надо чего – приказываю.

– Собакам своим блохастым приказывай, что царевен тебе таскают.

Кощей вскочил. Глаза его искрились от злости и таящегося в них тёмного колдовства.

– Ведьма, – прорычал Кощей, стрелой вылетая из комнаты. Уже снаружи донеслось, – Никого не выпускать, а то черепушки поснимаю, да на заборе повешу!– Да ты понимаешь, с кем говоришь, ведьма?! – зарычал он. Стены задрожали, башня закачалась, Баюн коротко мявкнул и заполз под кровать. – Коли шуметь не прекратишь, – фыркнула Яга, – осыпется башня твоя по камешкам. – За шкуру свою трясешься?! – Тьфу, скелетов твоих присыпет, умучаешься кости собирать. А я уж как-нибудь. – Как-нибудь, говоришь? Ну, посиди тогда тут без еды и воды, поглядим, как запоёшь. – Ну погляди, – пожала плечами Яга. – Может, повеселишься малость, пока нас с Баюном закапывать будешь. Всё не песни слушать.

Баюн из-под кровати выбрался лишь тогда, когда затихли

шаги Кощеевы. В этот же миг приоткрылась дверца и из неё показалась голова Любавы.

– Ох и разозлился Бессмертный, ох и разозлился, – причитала кикиморка, покачивая зелеными волосами.

– Ты, Яга, и себе яму выкопала, и меня туда же! – фыркнул кот.

– А ну, хватит, – тут уж и Яга осерчала. – Чего ж вы, коли смелые да мудрые, по углам попрятались? Я разозлила, мне и ответ нести, да только прятаться я не буду. Но поначалу помощь мне твоя, Любава, понадобится. Поможешь?

– Помогу, как не помочь, – с готовностью кивнула кикимора.

– Вот и ладненько, – улыбнулась ведьма и, что-то напевая под нос, отправилась в оконце глядеть.

Баюн и Любава переглянулись, а потом кот прошептал:

– А может, она того... Из ума выжила?

– Баюн! – прикрикнула на него Яга. – Слух у меня хороший, ниоткуда я не выжила. Думаю, не мешай.

– А я что, я ничего, – мурлыкнул Баюн. – Думай, родимая, думай. Любавушка, а сметанки не найдётся?

Кикимора улыбнулась, почесала обжору за ухом, да за сметаной поспешила.

– И этой мудрой девице тоже сметаны прихвати, а то, вишь, оно как, Кощей-то её кормить не сподобится.

Времени прошло немного, а Любава уже протискивалась в узкую дверцу с огромной корзиной разной снеди.

– Этта чегой-то? – насторожилась Яга.

– Не серчай, коли тайна то была, – испуганно пробормотала Любава. – Да только кухарят тут тоже кикиморы. Я и сболтнула, что можешь ты колдовством домового приворожить. Вот, велено тебе дар передать, да обещание кормить да поить как дочь княжескую.

– И много тут вас? – прищурилась Яга.

– Да, почитай, полдюжины. Было-то больше, да только срок их вышел, – грустно вздохнула Любава.

Баюн тем временем уже заветную сметану отыскал и счастливо облизывался.

– Отчего не помочь хорошим... кикиморам? Верно ведь, Яга? – мурлыкнул он.

– Отчего бы не помочь... – задумчиво повторила Яга.

Ведьма покусывала губу, да в окно глядела. Там низенькие пузатые домовые споро катали огромные деревянные бочки

с медными ободами.

– Это чего? – полюбопытствовала Яга. – Грибы солить?

– Да какие там грибы, – засмеялась Любава. – Русалочий день сегодня, готовятся. Сейчас бочки прикатят, да в малый пруд их выпустят, чтоб не засохли.

– А кикиморы с русалками, стал быть, дружбы не водят? – прищурилась ведьма.

– Отчего же? – удивилась Любава. – Слыхала я, бывают русалки, что в морях да окиянах живут. Гонору в них, никакой ложкой не вычерпаешь. А наши-то озёрные, девки хорошие. Глуповаты немного, всех дум у них, как бы волосья расчесать да побольше рыбы у водяного утащить.

– Кикиморы с волосами, я смотрю, не заморачиваются, – фыркнул Баюн. Яга на него так зыркнула, что он, пятась задом, уполз под кровать.

Ведьма снова задумалась, но ненадолго. Потерла ладони, в мешке своём дорожном порылась, а после радостно воскликнула:

– Проси, Любавушка, подруг своих, чтоб ужин Кощею готовили царский. А я пока зелье вам приворотное сварю, чтоб домовых приворожить.

– А ужин Кощею зачем? – не поняла кикимора.

– А чем я хуже русалки? – засмеялась Яга. – И спою, и станцую, и ужин сама подам. А там поглядим...

На том и порешили. Кикиморы Кощеевым пиром занялись, а Яга – зельями. И лишь Баюн бубнил:

– Ох, недоброе ты задумала, чую я, зря!

– Будешь беду кликать, усы тебе отстригу, чтоб не чуял! – разозлилась Яга. – Сиди уж молча, без тебя тошно.

Любава раздобыла на кухне котёл, натопила печь, Яге оставалось лишь нужные травы подбрасывать, да за зельем глядеть. Да только нет-нет, а с грустью посматривала ведьма в оконце, где справный и крепкий Кошей вальяжно расхаживал меж русалок, призывно бьющих переливающимися на солнце хвостами.

Глава 4

Едва алое солнце коснулось верхушек деревьев, выбрались русалки из пруда, уселись на илистых камнях, бодро шлепая хвостами по поверхности воды. Яга задумчиво поглядывала на запечённый окорок, что раздобыл для Кощея Серый Волк.

Обрадованный переменой настроения ведьмы, Кощей безо всяких условий позволил ей спуститься и подать ему ужин. И уж вовсе не слыханное дело – подле себя второй стул поставить наказал. Прослышав об этом, царевны в башнях слезами горькими залились: хоть Кощея и страшились, а всё же грустно им было, что прекрасным девицам предпочёл он ведьму лесную. Даже русалок собирался обратно в бочки заковать, да тут уж домовые воспротивились.

Яга кикиморам целый котёл приворотного зелья приготовила, да по склянкам разлила. Наказала: в квас домовым по три капли подлить, да из своих рук напоить. Вот и постарались кикиморы, ходили теперь домовые за ними, точно псы верные. И даже Антипка за Любовой увивался, да отчего-то грустила кикимора.

А Яга Кощея дожидалась. Вышел он из замка, высокий, справный, да как глянул на ведьму, у неё сердце чуть из груди не выпрыгнуло. Казалось, ладонь подставит, а оно уж там. Разозлилась Яга сама на себя, негоже это, так перед мужиком

вздыхать. А помимо воли улыбнулась, да блюдо с окороком схватила.

– Ну здравствуй, ведьма, – улыбнулся Кощей. – Башня моя, значит, не по нраву тебе пришлась?

– Воздуха там, Высочество, маловато, – покорно отвечала Яга.

– Стало быть, и ужин со мной поделишь, коли попрошу? – прищурился он.

Яга кивнула. Отужинать-то можно, главное, чтоб не тем кусочком, что в зелье попал. А Кощей, казалось, оставил свои манеры царские. Широко улыбался, был приветлив, на миг Яга даже про замысел свой позабыла. А было всё просто: пока домовые за кикиморами ухлестывают, заколдовала она скелетов на сон мертвецкий, да сонным зельем окорок смазала. Отведает Кощей кусочек, заснёт, а она Баюна подхватит – и поминай как звали. А Бессмертный тем временем графин компота поднял, налил Яге в стакан, да к губам ведьмы поднёс.

– Ягоды нынче сладкие, будто мёд, – подмигнул он, наклоняя стакан. Ничего не оставалось Яге, как глоток сделать. Закружилось всё вокруг, завертелось, а когда вернулось обратно, поняла ведьма, что нет никого в мире этом, дороже Кощея. И пойдёт она за ним и в огонь, и в воду, и в постель его, коли позовёт. А сам Бессмертный тихо спал на краешке

стола, во сне дожевывая окорок.

Баюн, ворча и фыркая, тащил упирающуюся изо всех сил ведьму обратно в комнату.

– Да что ж этот окаянный творит такое! – возмущался кот. – Девицу опоил!

– Эх, Баюн, – вздыхала Яга. – Как же я не замечала, как он хорош? Красив, как ясно солнышко...

– Это Кощей-то солнышко?! Ты никак головешкой удари-лась.

– Да что ты понимаешь, – отмахнулась ведьма. – Духом силён, телом крепок... Да любая царевна бы за такого...

– Чего ж они тогда по башням рыдают? – попытлся вразумить страдающую ведьму Баюн, всё дальше утаскивая её от сладко спящего в окружении русалок Кощея. – Идём, утро вечера мудренее. Вот взойдёт солнышко, да и мозги твои на место встанут.

Спать укладывали Ягу вместе с Любовью. Кикимора охала и причитала, но влюблённую ведьму держала крепко, чтоб делов не натворила. Дверь снаружи сторожил тот самый голубоглазый Антипка, мечта всех кикимор и покоритель сердец. На поверку это оказался лохматый курносый домовый с доброй улыбкой и курносым носом.

– Кажись, девица того, эт самое... Тут надобно... Ну да...

– Ох, как умён, сразу вот в корень зрит, – восхищалась Любава красноречием Антипки.

– Это, стал быть, да! – соглашался домовой.

Умом он не блистал, зато дверь исправно сторожил. На том и порешили, оставили его караулить, чтоб скелеты кощеевы не вошли, а Яга не вышла. Самого же Бессмертного до утра не ждали, зелье сонное ему уж больно крепкое досталось.

Баюн совсем было заснул, когда услышал, что кто-то слезы горькие льёт. Присмотрелся в темноте, глазам своим не поверил. Свернувшись калачиком на огромной кровати, рыдала Яга.

– Душенька, что тебя так расстроило? – испугался кот. – Да сбежим мы ещё, сбежим! И Антипка поможет, и Любава.

– Ох, Баюн, – ещё горше заплакала ведьма. – От сердца своего не убежишь. А что делать, коли оно тут останется?

– Это ты про Кощея, что ли? – не понял Баюн. Яга кивнула и завyla, закусив губу, чтоб негромко было. – Неужто остаться хочешь?

– Не хочу, – дёрнула плечом ведьма и носом шмыгну-

ла. – Была у меня любовь сердешная, одно горе мне принесла. Неча слезу лить, хватит, отболело. А знаешь, что, Баюн? Негоже одной бежать, выпрошу утром у Любавы, много ли тут царевен по башням упрятано.

– Ты никак всех спасти собралась? – охнул кот. – Одумайся, Яга, самим бы ноги унести.

– Унесем, клянусь, – твёрдо сказала ведьма. – Спи, Баюн, верно ты говоришь, утро вечера мудренее.

Только и поутру мудренее Яга не стала. Поджав губы всё в оконце глядела, где весело плескались в пруду не допевшие накануне русалки. Домовые, покрикивая, бегали вокруг, да ловить не решались: уж больно хвосты у водных дев беспокойные. Один из домовых, с растрепанными волосами цвета дубовой коры, уже, кажется, успел на собственном лбу убедиться: стоял чуть поодаль, прижимая ладонь к ушибленному месту. Подле него хлопотала юркая кикимора. Домовой её заботу принимал со счастливой улыбкой, со стороны даже чудилось, будто он бы ещё разочек под русалочий хвост сунулся, только бы кикимора не ушла.

– Ну, хоть у кого-то, – грустно улыбнувшись, вздохнула Яга.

– Ты чегой-то закручинилась? – покачал головой Баюн.

– Да и сама не пойму, – отмахнулась ведьма. – Вроде ж и правильно всё, а вот тут, в груди, тошно. Вот все говорят: Кощей девиц неволит, насильничает. Да разве ж хоть одну девицу ты подле него видал? Сидят по башням, да рыдают, горемычные.

– Так из дома ж родного уволок, ирод! – фыркнул Баюн.

– То-то и оно, из дома уволок, – согласилась Яга. – Вот только скажи, Баюн, разве им тут худо? Да у многих в родном доме такого не сыскать.

-МОжет, и так, а тебе что за печаль? – не понял кот.

– И сама не пойму, – призналась ведьма. – Да только и уйти не могу, держит что-то.

– Зелье твоё приворотное держит, вот что!

– Да какой там, я уж полынного настоя выпила, да ромашкового чая. Нет во мне зелья, иное что-то.

Кот спорить не стал. К двери подошёл и стал Любаву кликать. Когда зеленоволосая дева появилась в комнате, Баюн спину выгнул, зашипел, да за юбки Яги спрятался.

– Ты чего? – изумилась та. А взглянув на кикимору восхищённо цокнула языком. – Вот оно, счастье, что с кикимо-

рами творит!

И точно, стоило лишь глянуть на Любаву – сразу ясно было, словно светится она. Прежде неуклюжая на вид, да нескладная, теперь стояла она стройная, как тростиночка, гордо подняв голову. Сияли огромные, точно два блюда, голубые глаза. А волосы, прежде спутанные, ровной волной спадали по плечам.

– Эт-та что же, Любава? – осторожно высовывая голову из-под ведьминой юбки, уточнил кот.

– А то, кто же? – засмеялась кикимора.

– Красиувая, – мурлыкнул кот.

– Красивая, – согласилась Яга. А Любава от похвалы за-смущалась, щеки зарумянились.

– Спасибо тебе за зелье чудодейственное! – от души поблагодарила ведьму кикимора. – Антипка-то весь вечер от меня не отходил, всё глаза мои нахваливал, да пальчики целовал. А после, как стемнело, предложил его век разделить.

– А ты? – уточнил Баюн.

– Согласилась, конечно, – звонко засмеялась кикимора. – Даже и помыслить не могла, чтоб такая сила у зелья того бы-

ла. Грустно вот только, что не настоящее это, как отпустит, одумается Антипка.

Она вдруг вся подобралась как-то, съежилась... Яга вскочила, подбежала к Любаве, да в глаза ей глядя твёрдо сказала:

– Не развеется. Не так моё зелье чарует. Коли не любя ты ему, ни в жисть бы в жены тебя не позвал. Если только в кусты, плоть тешить. Оно решимость придаёт, да глаза открывает на то, чего раньше не видел.

– Так вот, значит... – протянул Баюн, но замолк, едва гневный взгляд ведьмы увидал.

Выпросив у кикиморы сливок, кот в дальний угол комнаты ушёл. А Яга усадила Любаву перед собой, да давай спрашивать, кто в замке живёт.

– Неужто все слезы льют? – недоверчиво покачала головой ведьма, когда кикимора ей о двенадцати царевнах, что в башнях томятся, поведала.

– Все, – вздохнула та. – А постой! Одна только... Есть тут царевна одна, Василисой кличут. Справная девка, крепкая, красивая, да ума не занимать. Она вот одна и не рыдает.

– Василиса, говоришь, – протянула Яга. – Вот бы мне с ней с глазу на глаз потолковать... Можешь устроить?

Дождалась Яга, пока солнечные лучи спрятались за вы-

сокими еловыми макушками, выскользнула из своей башни. Скелетов в коридоре не было, подивилась ведьма таким переменах, но шла осторожно, стараясь не шуметь. Верный Баюн крался следом, замечая следы пушистым хвостом. Дорогу же показывала то и дело вздрагивающая от страха Любава.

По двору прошли также, молча, лишь в зарослях малины кикимора шумно выдохнула.

– Эх, и напугалась я с тобой, Яга. Лишь бы толк вышел!

– Тебе толк уже вышел, – напомнил Баюн. Во дворе показался Антипка. – И теперь и другим помоги счастье своё устроить.

Покачала Любава головой, на ведьму поглядывая. Ни слова не сказала Яга, да только видно было, что борьба в ней идёт. То ли бежать, да царевен прихватить, то ли...

– Вон в той башне Василиса, да только стерегут её пуще Горыныча.

– А Горыныч кто таков? – заинтересовалась вдруг Яга.

– Так дракон трехглавый, – с благоговейным ужасом прошептала кикимора. – В темнице уж, почитай, сотню лет заперт. Три, стал быть, головы у него и пасти тоже три. И каждая огнём плюёт, да так, что враз сгоришь, лишь головешки останутся. Поговаривают, верой и правдой служит он Бесмертному, да только отчего тогда в темнице?

– Яга, а может, ну её, Василису эту? – задрожал Баюн. – Вот сейчас в лесочек шасть, да избушку твою отыщем.

– А потом? – прищурилась ведьма. – У моей избы ног нет, чтоб от супостата убегать.

– Так наколдуй, ведьма ты, али нет?! – возмутился кот.

– Ты, Баюн, ерунду не мели. Какие могут быть у избы ноги? Пошли уже, пока Василиса не уснула.

В покои царевны вела длинная лестница, точно змея опутавшая внутренности башни. Кикимора бежала шустро, перескакивая через ступеньки. Яга – чуть медленнее, разглядывая стены. Упитанный же Баюн, то и дело причитая об оставшихся в их башне сливочках, плелся далеко позади. В конце концов, Яга не выдержала, подхватила кота под толстое пузо, да и потащила.

– Ох, не нравится мне это, – бубнил Баюн, – ох не нравится...

– Чего тебе там не нравится?! – возмутилась ведьма. – Чай не своими ногами идешь.

– Странно это, ни скелетов, ни домовых... Куда подевались-то все?

– А я почему знаю? – пожала плечами ведьма. Да только и ей вдруг боязно стало. А ну как выскочат все разом, да и поминай как звали.

К счастью, никто ниоткуда не выскочил. Поскрипывая, отворилась тяжелая дверь, а за ней, сложив руки на пышной груди, стояла крепкая деваха с длинной светлой косой.

– Так это ты весь дворец усыпила? – одобрительно прищурилась она, с интересом разглядывая Ягу.

Василиса посторонилась, впуская гостей в свою комнату, а после высунула голову в коридор, по сторонам поглядела. Чтоб ни единого соглядатая Кощеева рядом не оказалось, а не то враз донесут Бессмертному, что вместо того, чтобы слезы лить, решили несостоявшиеся невесты дружбу водить. Любава же задерживаться не стала, к Антипке поспешила.

– Яга, стал быть? – уточнила она, плотно закрывая дверь. – Слышала, слышала... Ко мне зачем пожаловала? Аль другие царевны не приглянулись в подруги?

– Подругу мне не надобно, – ухмыльнулась Яга.

– Чего же тогда? – улыбнулась в ответ Василиса. – Ни в жисть не поверю, что ты из праздного любопытства заглянула

Василиса была именно такой, как Любава говорила. Цепкая, упрямая, ума ей было не занимать. Да и одета она бы-

ла не так, как основные царевны, уж больно сарафан на ней простой был. Ни тебе золотых нитей, ни узоров всяческих. Вместо нарядного кокошника – атласная лента вокруг головы. Чудная какая царевна. Или нет?

– Помощница мне нужна, – решила наконец ведьма. – Такая, чтоб не испугалась, да шум не подняла. И чтоб подземелья дворца как свои пять пальцев знала. По всему выходит, одна ты тут такая. Али ошиблась я?

– Не ошиблась, – качнула пышными ресницами Василиса. – Да только зачем я тебе помогать буду? Я сбегать не собираюсь. Мне и тут хорошо.

– Знамо дело, хорошо, – согласилась ведьма. – Ты ж не царевна вовсе.

– Не царевна, – протянула девица. – Видала бы ты ту царевну, благодарна была бы всем богам, что повезло не такой родиться!

– Некрасива?

– Да не то слово, – махнула рукой Василиса. – Но главное даже не это.

– А что? – поинтересовался любопытный Баюн.

Василиса изумлённо уставилась на кота, зашевелила губами, точно что-то в уме прикидывала. А после со смехом спросила:

– Ты, что ли, тот кот, что библиотеку не сберёг? А потом крысу прямо на нос княжне уронил? – и она не выдержала, расхохоталась звонким колокольчиком.

– И тут уже слышали, – насупился кот. – И вовсе не на нос... И мышка там крохотная была...

Тут уж и Яга не утерпела, засмеялась.

– Какая же тебе ещё нужна помощь, ведьма? – отсмеявшись, спросила Василиса. – Наворожить ты и сама можешь, ты ж тут единственная колдунья. А по подземелью и кот выведет.

– А сама ты отчего на волю не хочешь? – растерялась Яга. – Кот не выведет, чутья у него нет, сама видишь. А там такие подземелья, что коли заплутаешь – не выберешься. Не такой гибели я желала...

– А что меня на воле ждёт? – фыркнула Василиса. – Тут у меня и книги, и бумага писчая, и перья с чернилами диковинные. А домой вернусь – пустая изба да услуженье у царевны, умом обделенной.

– Неужто никто не ждёт? – изумилась Яга.

– Ты хоть знаешь, отчего я здесь вместо царевны оказалась? – вздохнула Василиса. Яга лишь головой качнула. – Ну тогда слушай, авось и поймёшь, отчего мне воля не мила.

Глава 5

В услужение к царевне Злате Василиса попала совсем еще ребёнком. Как-то раз кухарка заметила крошечную чумазую девчушку, обрывающую малину в саду, да пожалела. Тайком привела к себе в комнатушку, отмыла, накормила, да и призадумалась, что с ней дальше делать. Так бы и не придумала, да раздался из опочивальни юной царевны крик, полный негодования: грамоте Злата учиться не желала, почтенному господину, приглашенному обучить царевну придворным танцам, в парик жука сунула. А теперь и вовсе маялась от скуки, детей при дворце отродясь не водилось.

Выспросила кухарка всё, что могла у найденыша. И что мамка с батюшкой уехали на ярмарку торговать, да сгинули, а бабушка старая, на которую дяде оставили, померла несколько дней назад. А девчушке всего пять весен, сама она с домом, да скотиной не справится. Да и справляться не с чем, явились из ниоткуда какие-то бабы, выгнали сироту на улицу. Решила тогда кухарка, что может и поможет крошечной Василисе, а именно так звали чумазую девчушку, коли та при дворе останется. Кусок хлеба, да крыша над головой всегда будет. Глядишь, и царевна смягчится, а то уж больно от неё слугам доставалось. Так и вышло. Василисе была отведена маленькая комнатка без окон, но девочка и этому была рада. Во дворце к сиротке были добры, кухарка Аглая

то и дело тайком совала припасенные в полах фартука пирожки, нянюшка царевны Прасковья, оказавшаяся знатной рукодельницей, нашла Василисе справных платьев. А надменная госпожа Катерина, что грамоте Злату, так и вовсе решила, что царевне на пользу пойдёт, коли на уроках она будет не одна.

Ученицей Василиса оказалась куда более старательной, чем царевна. Уже к Рождеству она бегло читала, выводила пером на бумаге красивые буквы с вензелями, а её манерам могла позавидовать любая придворная дама. Но, несмотря на учёбу, оставалась она той же кроткой и доброй Василисой, оттого и царевна её полюбила от всей души. Только вот забавы свои не оставила, по-прежнему доставалось от неё, только теперь одной лишь Василисе. Казалось, так и дальше будет, да настало время Злате жениха выбирать.

Потянулись во дворец женихи всех мастей: молодые, старые, сильные и смелые или немощные и трусливые. Всяк мечтал с царевной породниться. Одно лишь общим у них было: богатства несметные, дары для Златы и голодные, заинтересованные взгляды, которые они то и дело бросали на верную, всегда стоящую за царевной немой тенью, Василису. Ей счастья не полагалось, уже не раз говорила Злата, что никуда её не отпустит.

– Вот народятся детки, будешь им нянькой, – твёрдо решила царевна, а Василиса не спорила.

Хоть и подарил ей Царь-батюшка за верную службу

небольшую избушку, да только и туда Злата не отпускала. Только Василиса за порог – уж гонец от царевны бежит, глаза испуганные, щеки белые, капли пота на лбу:

– Уж пощади, Василисушка, снова блажь на царевну напала, не серчай, воротись! Коли немедля к царевне не явишься, головы мне не сносить!

Так и жили. Царевна, да Василиса при ней. Ну и женихи, что бурной рекой текли во дворец. Подарки от них Злата принимала, а потом морщила рыхлый курносый нос:

– Этот слишком стар. Вон тот слишком юн. Этот некрасив. А у того смешной вихор на затылке.

А потом появился Иван. Нет, не принц. Кузнец. Высокий и широкоплечий, с ясными, голубыми глазами и золотистыми кудрями. Чудо как хорош. Потеряла царевна покой и сон, даже третий ужин пару раз пропустила от тоски. А Иван тот на Василису заглядывался.

Тогда и решила Злата, что негоже при себе такую девушку оставлять, на которую всяк мужик голодным взглядом глядит. И Ивана ей не простила. Как Серого Волка отыскиала Злата, то Василисе не ведомо. Да только уснула она после обеда мертвецким сном, а проснулась уже здесь, в Кощеевой башне.

– Вот такая история вышла, – грустно закончила Василиса, смахивая с лица выбившуюся прядь волос. – Сама видишь, тут мне даже лучше. Коли царевна обо мне услышит, головы мне не сносить.

— А Иван что же? — не утерпел Баюн. — Заглядывался и всё? Али любит крепко?

— Да кто его разберёт, — пожала плечами Василиса. — Говорить-то все горады.

— А ты, стал быть, любишь, — догадалась Яга.

— Люблю, — не стала спорить Василиса. — Одно горе мне от той любви вышло. Ты вот что, Яга. Слышала я, что ты кикиморам помогла? Коли и мне поможешь, я тебя выведу. Да только мне не зелье надо...

Василиса опустила взгляд, руки её нервно теребили ленту, вплетенную в русую косу. Вспомнила она, как высматривала ночами Ивана, как гуляли они под луной. Улыбку его добрую, да ямочки на щеках. Разве ж мог он её оставить? Клялся ведь из услужения забрать, свадьбу сыграть. Да только почитай уж год она во владениях Кошечевых.

Неправду девки говорили, что одна она об участи своей не жалела. Поначалу рыдала горькими слезами, тихонько, чтоб не слышал никто. Не хотела мучителю своему слабость показывать. А на душе тяжело было. Тосковала Василиса и по Ивану, и по старой Аглае. Небось глаз не сомкнула, бедняжка, переживая. И по крохотному рыжему котёнку, Прошке, которого однажды нашла у края леса. Голодного, со свалявшейся клочками шерстью и перебитой лапкой. За несколько дней Прошка ожил, окреп и, прихрамывая, весело прыгал по двору. Что с ним теперь?

Но главное, о чем Василиса и узнать желала, и спросить

боялась, таила она в своём сердце. Живом, девичьем, хранящем чувство нежное.

– Узнать хочу, – решила девица. – Отчего Иван меня доселе не отыскал. Коли счастлив он, так и мне неча горевать. А коли любит...

– А коли любит – так и тебе ему подсобить надобно! – отрезала Яга. – Чем слезы в башне лить, лучше б дорогу в лесу искала с нами. С женихом али без, а только всё лучше, чем тут куковать.

– Может, и так, – задумчиво сказала Василиса. – Да только...

– Погляжу я твоего Ивана, – пообещала ведьма. – Надо трав мне найти заветных да котёл медный.

– И от Кощея спрятаться, – напомнил Баюн. – А то пока ты травы собираешь, моргнуть не успеешь, как женой Бессмертного окажешься!

– И то верно, – нахмурилась Яга. – Что делать-то?

Ведьма задумчиво пожевала нижнюю губу, потерла нахмуренный лоб. Никак ей в голову не шло, как от супостата укрыться. Ответила неожиданно Василиса.

– Кощей, он... – робко начала она. – Неплохой он, одинокий только.

– Какой же он неплохой? – фыркнул Баюн. – В каждой башне по девице, вот скажи мне, на кой ему столько?! Неужто любовно нельзя?!

– Да кто ж любовно согласился? – удивилась Васили-

са. – Страх-то какой!

– Какой? – не поняла Яга. Хоть сама себе и боялась сознаться, да только никакого страха она перед Кощеем не испытывала. Скорей уж, наоборот, дюже хорош был царь лесной. Коли по-хорошему бы пришёл... Да что уж теперь.

– Да ты никак не знаешь?! – ужаснулась Василиса. – Такое там... И сказать боязно. Коли в полночь, когда луна похожа на блин, его увидишь, сама всё поймёшь.

– Когда луна похожа на блин, – повторила Яга, выглядывая в оконце. – Завтра ночью, стал быть... Поглядим, что там за страх такой.

За оконцем занимался рассвет. Робкие солнечные лучи осторожно коснулись земли, пробежались по искрящимся каплям утренней росы. Тихо было в замке, ни петух не кукарекает, ни куры не квохчут. Ибо нет живности при дворце, а простых домов и подавно рядом не водится.

Брела Яга по коридору башенному, тяжёлые мысли распутывая, словно пряжу шерстяную. Бывало, бабка ей из такой грубые носки вывязывала. Уж кололись они люто, зато ноги не мёрзли. Вот и мысли такие были, колючие.

Вот взять Василису. Хорошая же девка, судьба тяжёлая только выпала. И тоскует она, да виду не подаёт. Коли не тосковала бы – вовек про Ивана своего не выпрашивала. Видно было, нелегко ей признание далось, долго думала Василиса, прежде чем попросить. Тут Яга её понимала. Пока не знаешь, вроде и надежда в сердце живёт. Что любит, ищет.

А уж коли точно узнать...

А с другой стороны – Кощей. Счастлив ли? Да кто ж тут будет счастлив, одинешенек в лесу? Скелеты да волки кругом, тут и сам завоешь. А царевны лишь рыдать годятся. Что ж за тайна такая у Кощея?

– Чего вздыхаешь? – поинтересовался Баюн, облизывая лапу.

Вернулись они прямо перед рассветом, а заботливая Любава и тут расстаралась: пирогов румяных принесла, кувшин молока и плошку сметаны для кота. Только *Яга* к пирогам не притронулась. Всё стояла напряжённая, как тетива у лука, да в окно глядела. Негоже ведьме в заточении томиться, сама природа её тосковала и на волю просилась. Да только как вспомнит глаза бездонные, голос бархатный...

– Зелье варить надо, – недовольно буркнула *Яга*. – А котла не сыскать.

– Так Любавушка ж обещала, – напомнил кот. – Поела бы, так и голодом себя уморить недолго.

Невидящим взглядом уставилась ведьма на корзинку с пирогами, а потом сделала то, чего Баюн от неё никак ожидать не мог. Разрыдалась не хуже царевен.

– Ты чего это? – испугался кот. – Никак захворала?

– Захворала, – вздохнула ведьма, смахивая солёные слезы. – Сразила меня хворь лютая, нет от неё снадобий. И заговоров тоже нет.

– Да ты что же... – догадался Баюн, но вслух говорить не

стал. Лишь коснулся мягкой лапой щеки ведьмы, а потом ещё и мордой потерся. – Полно, *Яга*, образуется всё. Давай Василисе поможем, а там и поглядим, что да как. Может, и не ужасный супостат этот.

– И это мне кот говорит, – шмыгнула носом ведьма. – И правда, кому я, кроме кота, сдалась, коли есть прекрасные царевны. С щеками румяными, да косами русыми.

Ведьма тряхнула светлыми кудрями, тотчас весело рассыпавшимися по острым плечам. Догоревать по тяжёлой судьбинушке Яге не дали. Дверь с хлопком отворилась, явив пред очи изумленной ведьмы двух скелетов, сверкающих пустыми глазницами. Один из них тотчас клацнул зубами, видимо, показывая, что шутки с ним плохи. А второй подхватил Ягу под белы рученьки, да поволок куда-то, не обращая внимания на жалобное мяуканье чёрного кота, увивающегося у него под ногами.

Яга, в отличие от стражников, Баюна заметила. Зыркнула на него, да взглядом на дверь указала, чтоб сидел и не высовывал морду свою любопытную. Ясно же, помочь хотел, да разве ж ему под силу с самим Кощеем справиться? А раз так, нечего и пытаться, кот ей целый нужнее. Зачем, правда, *Яга* ещё не решила, но целый всяко лучше.

" А вот любопытно, – вдруг подумала ведьма, – душа-то в костяшках осталась, али всю выдуло? " И оттого, что подолгу размышлять она не привыкла, тотчас спросила у одного из скелетов:

– Звать-то тебя как, болезный? – Тот лишь рыкнул что-то невразумительное. – Понятно, стал быть Прохором тебя звать стану. Был у нас в селе Прошка один, эх, и доброй души парнишка. А потом знаешь, чего с ним стало?

Новоявленный Прохор поглядел на ведьму пустыми глазами и снова рыкнул, только на этот раз заинтересованно. *Яга* хитро прищурилась. Осталась, значит, душа, хоть краешек, хоть крошечка, да осталась! Уж что-что, а потаённые желания выгадывать ведьма сызмальства умела. И страхи тоже. Вот хотя бы Прохор. Уж и терять-то ему вроде нечего, костяшки одни. Да только и он за отголоски жизни держится, а тащит её лишь оттого, что Кощей приказал. Сам бы он ни в жисть к ведьме по доброй воле не сунулся.

– Ведьму одну знатно обидел, – фальшиво вздохнула *Яга*. – А та и прокляла его, бегаёт теперь, усами рыжими шевелит, да от лаптей уворачивается. И чего ему в людском обличье не сиделось, не знаешь?

Прохор не знал. Головой замотал так, что едва её не потерял. А скелет таракана представлялся ему весьма хрупким, поэтому он хватку слегка ослабил. До конца не отпустил, кто его знает, что Кощей удумает, коли пленницу не получит? А только Прохор не определился ещё, от кого неприятностей больше, вот и решил опасаться обоих одинаково.

– А ты Гришкой будешь! – радостно возвестила *Яга*, кивая на второго скелета. – Будешь?

Тот кивнул, похрустывая шейными костями. С этой опо-

лоумевшей ведьмой лучше согласиться. И чего Кощею с царевнами не сиделось? Те ж все похожи, словно сестры: в башне рыдают, тащишь их куда – воют, слезы по лицу размазывая. А эта имена раздаёт, да байки рассказывает! Гришка от таких мыслей даже шаг ускорил.

– Осторожней, болезные! – прикрикнула *Яга*, когда он слишком сильно потянул её за руку. – Разорвете же! А ну как не доставите меня в целости Кощею, осерчает же!

Скелеты переглянулись, коротко рыкнули, а потом и вовсе побежали, сиюсь разговорчивую ношу скорее Кощею передать, да на задний двор отправиться. Там в кустах смородиновый притаился огромный костяной молот, который стражники с радостными рыками кидали на дальность. Уж лучше молот, чем ведьма.

Так и доволокли Ягу до дубовых резных дверей, высоченных, под самый потолок. С трудом, навалившись всеми костями, отворили скелеты заветные двери, втолкнули ведьму в огромный зал, да поспешили выход обратно затворить, чтоб не убежала. А *Яга* и не собиралась, билось юное сердечко, словно птица в клетке, да замирало от страха перед могущественным Кощеём. А может, и не только от страха.

Глава 6

Бессмертный восседал на золоченом троне. Ни дать ни взять, великий лесной царь. Да только Яга не восхитилась, а совсем наоборот.

– Подушки-то у тебя какие, – прицокнула она языком. – Нешто зад свой костлявый отсидел? Али дыру в троне протёр?

Неожиданно, Кощей расхохотался. Махнул тощей рукой, чтоб скелеты их с Ягой одних оставили, а после хитро прищурился.

– Догадалась, зачем позвал?

– Может, и догадалась, – пожала плечами Яга. – Да только царевна из меня, как лебедь из лягушки. Ошибся ты, Кощей, суженая твоя в соседней башне слезы льёт.

– Ошибся? – покачал головой Бессмертный. – А что, если нет? Уж и не припомню, когда красна девица в моём дворце не рыдала, а побег готовила. Да ещё с кем?! Нешто кого лучше Василисы не сыскалось?

– Остальные в слезах утопли, – фыркнула ведьма.

– Ты мне вот что скажи, Яга, – улыбнулся Кощей. Улыбка у него была чудная: вроде и весело ему, а глаза колючие. – Неужели не люб я тебе? Чего тебе надобно: злата, жемчугов заморских?

– Не всё златом измерить можно, – грустно вздохнула

ведьма.

– А чем ещё? – удивился Кощей.

– Заботой? – робко спросила Яга.

– Спутала ты меня с кем-то, – усмехнулся Бессмертный. –

И сам не пойму, отчего я тебя до сих пор не отдал волкам на растерзание? Как заколдовала меня, глазища твои... Постой! Неужто ведьма?!

– Да что ты, – отмахнулась Яга. – Ты тут окромя царевен и девиц, небось, не видывал. Вот и кажется тебе любая простая девка ведьмой.

– Слухи о тебе всякие ходят, – напомнил он.

– Так то слухи, – пожала плечами Яга.

– А зелье сонное? – вспомнил Кощей.

– Притомился ты, небось. Вот и теперь, то ведьмой назывешь, то злато предлагаешь. Ступай, отдохни. И я пойду, кота своего бестолкового отыщу, уж больно его стражники твои испужали.

– Это ты мне приказываешь?! – зарычал Кощей.

– Советую, – мягко поправила Яга, сверкая глазами. – Устал ты, говорю, очень. Думы твои точно ветер крутит, взор тяжелеет, туманится...

Дошептала ведьма заговор древний, поглядела на мирно спящего прямо на троне Кощея, да и прошмыгнула обратно в приоткрытую дверь. Баюна и правда надо было отыскать.

Дорогу до башни своей ведьма легко отыскала. А как иначе? Коли не умела бы Яга тропы да дороги всякие запоми-

нать, в первый же поход в лес сгинула бы в каком-нибудь болотце. К счастью, дверь скелеты запереть не подумали.

В комнате обнаружился взволнованный Баюн, перед которым стояло полное блюдо свежайших сливок.

– Ты ж мой золотой, – умилилась Яга. – Исстрадался весь. Сливочки-то откуда?

– Любавушка принесла, – вздохнул с облегчением кот, запуская в блюдо лапу. Он зачерпнул побольше сливок, в один миг слизал угощение и блаженно прищурился.

– Кощей-то живехонек?

– Что ему, Бессмертному, сделается? – пожала плечами Яга. – Так мы уходим али как? Погодить, пока ты трапезу закончишь?

– Тут дело такое, – протянул кот. – Не одни мы уходим, коли разрешишь.

– Никак Василиса решилась? – не поверила ведьма. Баюн кивнул. – Зови, только быстро.

Кот долго думать не стал, подбежал к маленькой дверце, откуда обычно приходила Любава, да стал в неё когтями скрести. Легонько скрипнув, дверь отворилась, явив кикимору и Василису. Вторая была уже готова: в платье дорожном, с котомкой в руках. Русые волосы собраны в тугую косу.

– Верю я тебе, Яга, – глядя прямо в глаза ведьме, молвила Василиса. – Вместе сподручней будет, я тебя через подземелья выведу, а ты мне в лесу пропасть не дашь.

– И то верно, – кивнула Яга. – Ивана своего искать пой-

дёшь?

– Не пойду, – опустила глаза Василиса. – Коли хотел бы, сам меня нашёл. Просто уйду, не хочу всю жизнь провести в башне.

– Изба у меня есть. Маленькая, да только и ты небольшая, чай, уместимся, – сама от себя не ожидая, пригласила Яга. – А ты, Любава? Нешто с нами?

– Я попрощаться, – смутилась кикимора. – Антипка-то замуж позвал, не вернусь я в болото. Но коли могу, чем помочь, зови, услышу.

Она протянула Яге алую ленту и гребень для волос.

– Держи вот, коли понадобится, ленту на землю бросишь, она тебя ко мне приведёт. А коли помощь нужна, гребень бери, да вслух говори: " Душа девицы, что призвана водицей, да мной отпущена, передо мной явись! " Как коснётся гребень земли, появится пред тобою озеро, да и я вместе с ним явлюсь.

– Спасибо тебе, Любава, – обняла её Яга. – Счастья тебе!

– Вовек твою помощь не забуду, – кикимора смахнула слезу со щеки. – Ступайте, скорее!

Выбежали девицы да чёрный кот из комнаты, счастью своему не веря: коридоры башни были пусты, ни единого скелета Кощеева им не встретилось. Василиса даже удивилась:

– Странно как, неужто Бессмертный нас без пригляду оставил? Где костяшки-то?

– Где бы ни были, поспешать нам надо. Коли встретим, я

с ними управлюсь, – шепнула Яга.

– Ой, Ягушенька, – запричитал Баюн. – Да как ты одна супротив них выстоишь?!

– Тихо ты, – шикнула на него ведьма. – Никто стоять не собирается, колдовством уведу. Но лучше б никого не встретить.

Тихо, стараясь не шуметь, бежали путники по извилистым дворцовым коридорам. В другое время Яга бы восхитилась коврами златоткаными, заглянула бы в библиотеку древнюю да книги старинные колдовские там поискала. Но сейчас она лишь на спину Василисы глядела, чтоб ненароком не отстать. Баюн что-то бубнил себе под нос, до ведьмы долетело лишь «скелеты не встретились». Она подхватила толстобрюхого кота и ускорила шаг.

– Один поворот остался, а там уж подземелье, – прошептала Василиса.

Яга услышала, как вздохнул с облегчением Баюн. И сама бы рада успокоиться, да только тревога неясная заставляла сердце ведьмино биться сильнее с каждым шагом. И вроде бежать ей хотелось не оглядываясь. А частичка души будто бы там, в зале тронном с Кощеем осталась.

" Негоже ведьме по супостату лесному вздыхать, – приказала себе Яга. – Нет в нём ни души, ни сердца, не полюбит он никогда. А коли так, значит, правильно всё, уходить надо. "

За уговорами сердца юного не заметила ведьма, как возникли перед ними три костлявых стражника.

– И как я о них не подумала, – взвыла Василиса. – Ясно же, охраняет Кощей ходы все... Что ж теперь будет?

– Ну, Ягушенька, родненькая, не подведи, – испуганно заверещал Баюн.

– Тихо ты! – прошипела ведьма, опуская кота на каменный пол. На миг глаза прикрыла, ладони потерла и зашептала. – Сила ведьмина, сила древняя, укрой от врагов, открой дорогу дальнюю, яви сестрицу мою пред очи наши, чтоб ликом едины, да силой могучи...

И тут словно стены задрожали, зазвенели медные подсвечники, что на длинных ножках на полу стояли. Налетели вихри могучие, закружили, завертели, а как осели...

– Мамочки... – прошептал Баюн. – Чего же это делается?

Не меньше дюжины ведьм теперь стояли у дверей. Все как одна, та самая, что колдовство сотворила. Какая из них настоящая теперь бы ни Баюн, ни Василиса угадать не смогли. Все тринадцать ведьм двигались плавно, словно зачаровывая и без того остолбеневших стражников.

Василиса не придумала ничего лучшего, чем подхватить кота на руки: зацепят ещё чары ненароком, ищи потом кота среди одинаковых. Да только Яга будто бы больше колдовать не собиралась.

Пока двенадцать ведьм суматошным хороводом кружились вокруг скелетов, подбрасывая заклятья разные, та самая, тринадцатая, потянула Василису за рукав:

– Чего застыла? – шепнула она. – Идём скорее, пока нас

не хватились!

Удивительно, но просочившихся в дверь беглецов и вправду не заметили, уж больно заняты были стражники ведьмиными танцами.

– Времени у нас мало, – на бегу крикнула Яга. – Да поставь ты Баюна, он же кот, сам бежит не хуже твоего! Чем дальше мы от замка, тем слабее чары мои. Как рассеятся, так за нами погоню и отправят, а нам бы до избы моей добраться.

– А в избу зачем? – не понял Баюн.

– А затем, дурья твоя голова, что в избе книга моя колдовская. Я без неё, конечно, что-то могу, но все ж забрать следует. Попадёт ещё в костлявые Кощеевы руки, тогда всем нам несдобровать!

– А коли не успеем? – засомневалась Василиса. – Что, если нагонят нас прямо в избе?

– А ты беги, девица, не думай, – фыркнула ведьма. – Вот когда нагонят, тогда и решим, а сейчас дыхание побереги, да ногами шевели быстрее.

Спорить Василиса не стала. Главное, что знает Яга, что делает. Наверное. А она-то сама хоть и бежит за ведьмой вслед, да сама не ведаёт, зачем. Одно верно, в башне кощейвой всяко хуже, чем на воле. Тут и травушка мягонькая, и деревья такие высокие, что, кажется, будто макушками края неба касаются. И лучи солнечные тёплые. А запах... Разнотравья да хвои, свежий такой, чистый...

– Ты чего замечталась? – поторопила её Яга. – Так и мимо

избы пробежать недолго.

Сама ведьма остановилась у покосившейся постройки без окон и двери, с одними лишь пустотами.

– Ну здравствуй, избушка моя верная! Зачахла вся...

– Ты это, хорош с ней разговаривать-то! – воскликнул Баюн, который своим острым кошачьим слухом уже различал едва уловимые шорохи. – Догонят нас, как есть догонят.

– Не догонят! – воскликнула Яга. – А ну, чего стоите, внутрь полезайте!

Она лихо запрыгнула внутрь избушки, ухватила свою колдовскую книгу. Сдула с неё пыль, что накопилась, пока в кощеевом замке они томились, открыла нужную страницу. Баюн и Василиса уже стояли рядом, испуганно заглядывая ведьме через плечо.

– Ты чегой-то, Яга, совсем нас уморить решила? – прошептал кот.

– Уж полегче, чем Кощей, – фыркнула ведьма. – А теперь помолчите, не мешайте.

Заметалась ведьма по избе, травки нужные собирая да коренья из запасов своих. Швыряла их в котёл, то и дело помещивая. Бормотала что-то себе под нос, Баюн услышал лишь:

– Кость... Где её взять, кость эту... А, была не была!

Последними бросила ведьма в котелок две сушёных курьих лапки. Откуда они у ведьмы остались, она и сама не помнила, да сейчас кстати оказались.

– А ну, разойдись! – закричала она, опрокидывая содер-

жимое котла прямо на пол. Избушка тотчас наполнилась едким дымом, до кота и Василисы донёлся довольный возглас. – Поборемся ещё! А ну, за лавки крепче держитесь!

Глава 7

Едва успел Баюн под единственную лавку забиться, а Василиса на неё же усесться да вцепиться руками покрепче, как закачалась избушка с неистовой силой. Точно дерево с корнями из земли-матушки выдрали.

– Яга-а! – взвыл Баюн из-под лавки. – Чегой-то делается? Неужто избушка взбесилась?

– Тьфу на тебя, – рассердилась ведьма. Она, в отличие от своих спутников, твёрдо стояла на ногах. – Ожила она, знамо дело, размяться ей надо! Сколько ж кури лапы-то у меня пролежали, иссохли почти.

– А зачем ей кури лапы? – поинтересовалась Василиса.

– Знамо зачем, от Кощея убегать, – подмигнула Яга. – В избе-то сподручней будет, тут и котелок мой, и книга.

Ведьма ласково погладила книжный корешок. А избушка, вконец развеселившись, принялась приседать да приплясывать.

– Так ты говоришь, не взбесилась? – ехидно заметил Баюн.

– Коли взбесилась, вышвырнула бы тебя подальше, волкам на радость! – укорила Яга. – Избушка хорошая, только душа у неё молодая совсем, резвиться хочет. Да то нам на пользу будет.

А в это самое время нёсся по лесу сам Кощей на кобыле резвой. Не мог, никак не мог он девицу такую отпустить. Как доложили стражники, что сбежала, у него даже будто бы сердце пару раз глухо стукнуло где-то глубоко в груди. Так глубоко, что он едва заметил. Чувство было старое, почти забытое, оттого желанное. Уж если ведьма эта его, Бессмертного, от скуки избавила... Да что уж там, как увидел её Кощей, так все мысли лишь о ней были. Ни одна царевна с ней сравниться не могла. Всё в них было: и стать, и красота. Да только всё словно не то, неживое какое-то. А ведьма вроде и шла по-простому, а Кощею казалось, что плывёт, будто лебедушка. Говорила без изысков, а Бессмертный слушал и наслушаться не мог. Сам не понял, как все мысли его заняла Яга. И теперь отголоски его души даже страшились, что не догонит, не отыщет. Оттого и гнал кобылу сам, не доверил никому.

– Не спрячешься, всё равно я тебя отыщу! – бормотал он, вглядываясь меж деревьев в густой лес.

Вдруг услышал он громкий треск, девичий радостный вскрик, а после и увидел...

– Это ещё что за диво?! – воскликнул он.

Бодро потряхивая крышей, с которой то и дело осыпалась солома, шагала прямо по лесу диковинная изба. Без окон и двери, зато с двумя крепкими курьими лапами, торчащими

прямо из того места, где у приличных избушек бывает пол. Почудилось Кощею, будто мелькнула знакомая русая коса в оконце. А уж когда он услышал голос ведьмы, по которой его черствое сердце вдруг страдать удумало, пришпорил кобылу да помчался за избой, дороги не разбирая.

А внутри избушки весело переговаривались Яга с Василисой. Баюн обиженно сопел под лавкой, ибо «ведьмы суровые пожалели крынки молока». Девицы, на которых вздумал обижаться кот, вины своей не признавали, молока со сметаной было немного, а до еды толстопузый кот уж больно охоч был. Так и на пару избушкиных прыжков не хватит – вмиг всё в животе Баюна окажется. Вот и припрятали от него запасы. Кот поворчал немного, да и уснул. Девицы же, не замечая погони, разглядывали книгу, в которой Яга то самое заклинание отыскала.

– Это чего же, прям свиной пятак появится? – смеялась Василиса.

– Может и пятак, – вторила ей Яга. – А может, хвост крючком. Но хрюкать будет, это точно!

Василиса захихикала. Давно уж она такой свободы не чувствовала: хочешь, вперёд гляди, хочешь, назад, вокруг лес чудесный, а за ним – поле чистое да речка быстрая. Куда они путь держали, то и им самим было неведомо. Да только Яга

подальше от Кощея стремилась, а Василисе и вовсе всё равно было, лишь бы не в башне постылой. Но всё ж оставалась мысль одна, что светлую голову её тревожила.

– Яга, а Яга, – позвала она, и щеки её чуть покраснели от смущения.

– Аюшки? – отозвалась ведьма.

– Помнишь, там в башне, говорила ты... Глянуть можешь...

– Про Ивана твоего? – догадалась Яга. Василиса кивнула. – Чего бы и не глянуть. Эй, избушка, не трясись!

Придвинула ведьма колченогий стол к стене, чтоб по всей избе его не носило, вытащила из котомки блюдце с золотой каёмочкой да наливное яблоко.

– Яблоко не грызть, – предупредила Яга. – Из сада оно заповедного сада, там такие лишь раз в год зреют.

Василиса от волнения прикусила губу, да едва дыша следила за ведьмой. А та под нос себе что-то пробубнила, яблоко по блюдцу покатила.

– Катись яблоко красное наливно, от яблони до яблони, Ивана нам отыщи...

А потом... Чудо чудное! Донышко блюдечка будто рябью подернулось, словно водицу взбаламутили. И увидали девицы Ивана, кудрявого да светловолосого с глазами ясными, словно небо.

– Хорош, – одобрила Яга приглядываясь. – Чегой-то... Волки вокруг. Никак ищет тебя суженый, да заплутал.

– Как же его теперь отыскать? – ахнула Василиса.

– Чтобы его отыскать, нам бы сначала от Кощея сокрыться, – напредила ведьма. – А то встретим твоего Иванушку в тёмных башенках.

– И то верно, – вздохнула Василиса. – А можно я ещё погляжу?

– Гляди, – разрешила Яга.

Вот только не успела Василиса склониться над блюдцем, прыгнула испуганно избушка, аж яблоко укатилось. Яга то-ропливо собрала всё обратно в котомку, а после выглянула в оконце.

– Кощей, – охнула она. – Беги, избушечка, не подведи, родненькая!

Избушка словно мольбы хозяйки услышала, высоко поднимая курыи ноги, скакала по болотам лесным, разбрызгивая тину.

– Ты бы, Яга, оконца наколдовала, – попросил Баюн, цепляясь когтями за то место, где у приличных избушек бывает подоконник.

Вылетел бедолага из-под лавки на одном особо резвом прыжке. Может, и обошла бы его печальная участь, не оказался бы он большей своей частью наружу, да уж больно тяжёл был зад кошачий: вывалился, лишь в последний миг уцепился Баюн.

– Ох, горемычный, – всплеснула руками ведьма и затащила пыхтящего кота обратно. – Василиса, подсоби! Ищи в

книге залятье нужное.

– Нужное это какое? – воодушевилась Василиса, раскрывая заветную книгу.

– Древо растить будем, – пояснила Яга.

– Душенька, да может и леший с ними, с окнами? – взвыл кот. – Какое ты дерево прямо в избе растить собралась?!

– Тихо ты! – прикрикнула Василиса. – Не мешай, интересно же!

– Одни беды от любопытных баб, – прошептал Баюн тихонько, чтоб никто не услышал.

Не учёл только, что слух у Яги острый, недаром каждый шорох лесной слышала. За неуважение такое размахнулась ведьма метелкой, кота словно ветром под лавку сдуло.

– То-то же! – кивнула Яга. И повернулась уже к Василисе. – Ну, чего там, отыскала?

– Вот, есть, – обрадованно ответила девица. – Скажи, Яга, а коли я бы его прочитала, вышло бы у меня?

– А кто его знает? – ведьма пожала плечами. – Вот отстанет Бессмертный, проверим. А теперь давай, гляди, чтоб чудище мохнатое снова не вывалилось, пока я ставенки растить буду!

Бежала избушка, не останавливаясь, а внутри, едва держась на ногах, то и дело подпрыгивая вместе с избой да покачиваясь, колдовала упрямая юная ведьма. Чтоб рос прямо из стены дуб, да сразу резной, с дверной ручкой, а там, где оконца были – ставенки узорчатые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.